

# Поэзия 180

Поэт-лауреат США Билли Коллинз:

«Я не устаю ухаживать за читателем»  
независимая - 100% - борьба - с. 8.

Глеб Шульпяков

**B** поэзии существует как минимум два типа высказываний – «центростремительное» и «центробежное». В первом случае поэт пытается «работать» со смыслом предмета напрямую, во втором – описывает реальность, окружающую этот предмет: то есть фиксирует смысл по принципу папье-маше.

Нынешний поэт-лауреат США Билли Коллинз – типичный представитель «второго случая». Он, так сказать, «блис-

– Вы выступили с проектом «Поэзия 180». Что за таинственное число?

– Это всего лишь среднее число дней в учебном году в американских школах. Идея – читать по стихотворению в день на школьном радио после новостей для старшеклассников. Стихотворение не будут учить, обсуждать, анализировать, только – слушать. В шутку я называю свою затею «juke-box», ну это игра слов: «juke-box», как вы знаете, музыкальный автомат, играющий пластинки по заказу. Но есть еще одно прочтение этого числа: поворот на 180 гра-

– Нет, конечно. В молодости я подражал Ферлингетти, Каммингу, Стивенсу, Гинзбергу. Чтобы быть поэтом, думал я, вы должны говорить на каком-то коде. Это было плетением словес. И это ни к чему меня не привело. Я не считаю, что стихотворение для читателя это задача, которую надо решить, я думаю, что его надо просто пережить вместе с поэтом. Я хочу, чтобы у читателя было ощущение совершенного путешествия.

Написать стихотворение – это дать одеть себя в смирильную рубашку и выйти из нее,

Серьезное искусство рассматривает несчастье как исходное данное, а мне хотелось писать стихи о состоянии довольства жизнью

тательная реакция» на интеллектуальную, «надуманную» поэзию, под знаком которой прошел XX век в Европе и Америке. И результат был мгновенным. Его полюбили домохозяйки и литературные критики, профессора и дантсты, философы и финансисты: настолько, что в стране всерьез говорят о «феномене Коллинза». И это феномен вполне реален. Стихи Коллинза поверхностны, но что такое поверхность, как не точный слепок со смыслом? Каждое его стихотворение – это всегда история, но что такое конкретный сюжет, как не ловушка для содержания? И не честней ли ловить смыслы в ловушке, чем их выдумывать?

Внешнее, наглядное, чувственное, предметное, поверхностное – вот фирменный набор поэта Коллинза: но ведь метафизика начинается именно там, где предмет соприкасается со своей поверхностью, не правда ли? Перед вами – первое интервью поэта российской прессе. Русский критик в Нью-Йорке Лили Панн встретилась с поэтом-лауреатом в Гринч-Вилледже, где Билли Коллинз присутствовал на совместном вечере русских и американских поэтов.

Лили Панн  
Нью-Йорк

– В России поэзией интересуется значительно большая часть населения, чем в Америке, а института «поэта-лауреата» при правительстве нет. Откуда эта должность в Штатах?

– Поэт-лауреат – это еще британская традиция, уходящая к тем временам, когда поэт состоял при дворе и был обязан сохранять в памяти нации жизнь страны в форме стихов, поэм.

Что касается США, где перенили британскую традицию в 1937-м, то здесь поэт-лауреат работает на идею поэзии как таевой. Представление о конкретных обязанностях поэта-лауреата при этом довольно туманное. Вы можете делать все, что хотите, для расширения сферы влияния поэзии в стране помимо того, что нужно выступить с традиционным чтением своих стихов, прочесть лекцию, помочь с организацией периодических чтений поэтов в Библиотеке конгресса. Я думаю, что потому они и назначают каждый год нового человека, что надеются, что когда-нибудь кто-нибудь сообразит, чем поэт-лауреат действительно должен заниматься.

Билли Коллинз  
КАК СНЕГ

Когда в городе начинается метель и воздух наполняется снегом, его хлопья разлетаются, как планктон, когда на него несется кит с разинутой пастью.

В конце концов так это выглядит из окна машины такси,

в которой я еду

по самому центру вселенной,

в сумерках воскресного вечера,

когда так удобно сравнивать

одни вещи с другими

и находить между ними сходство.

Да, снег был похож на косяк

дусов подразумевает поворот назад – к поэзии, в нашем случае.

– Пожалуй, ваш проект проще внедрить, чем проект Бродского – продавать сборники стихов в аэропортах и магазинах рядом с предметами первой необходимости.

– Ну не знаю, что у меня получится, – это как швырнуть 180 стихотворений в ночь, но я очень надеюсь, что многие школы их подхватят.

– Вы наверняка отобрали стихи по тому же принципу, по какому пишете свои собственные. Я говорю о том, о чем все говорят – о доступности ваших стихов.

– Да, я думаю о читателе, когда пишу: он в одной комнате со мной, я разговариваю с

как Гудини. Серьезное искусство рассматривает несчастье как исходное данное, но мне захотелось написать стихи о состоянии удовлетворения, довольства жизнью.

Хорошее стихотворение одновременно забавно и серьезно, причем читатель не уверен, где что. Такой двойственный голос спасает вещь от сентиментальности. В большой поэзии, как в человеческих отношениях, реалиях или реальности, смысл не выразим. Он, как ветер, ощущаем, но не виден. Как вода – ускользающ. Набоков сказал: «Жизнь прекрасна, и мы умираем». Каждое стихотворение об этом.

– С каких лет вы пишете?

– Первое стихотворение я написал в 12 лет. Но только,



Билли Коллинз – поэт-лауреат США и просто поэт.

ним и слежу за тем, чтобы не говорить слишком быстро или слишком бояко. Обычно я стараюсь создать гостеприимный тон в начале стихотворения. Шагнуть от названия к первым строкам – это как ступить в каноэ. Много неприятностей может произойти. При этом я пишу всю вещь в один гриф, позже я чаще всего правлю.

Я думаю, что современная поэзия повторяет своим прихотям, одна из которых – быть непременно сложной. Вот она и потеряла читателя. Я не устаю ухаживать за читателем. Я предпочитаю свиту читателей, а не критиков.

– Но не всегда же вы ценили простоту?

когда мне было за сорок, я начал писать стихи, которые, кажется, только я мог написать.

Писателем я хотел быть всегда, мне нравился сам имидж писателя. В своей диссертации я исследовал, как поэты-романтики завоевали читателей. Медленно – вот ключевое слово.

Я увлекался битниками и всем понемножку. Была такая школа письма – «крещение марихуаной», и ее уроки мне пригодились, когда я стал писать короткие тексты для «Rolling Stone» по 35 долларов за штуку. А с 1970-го я начал преподавать литературу в городском Университете Нью-Йорка. Где и работаю по нынешний день.

белого планктона, который струился в потоке ветра по американским проспектам, блеснув на фоне огромных зданий. «Раз так, то наша машина, такая желтая и такая неповоротливая, – это морское животное» – я протирал очки, которые в такси запотели.

«А мне отведена роль глаза, который врашается на тонком стебле, наблюдая за тем, что происходит с той стороны этого мира».

Так думал я – и продолжал смотреть сквозь толщу воды на толпы людей, на цветные огни, вывески и на эту бесконечную стремнину снега.

Перевел с английского Глеб Шульпяков